

УДК 14(47)(091)
ББК 87.3(2)61-07:86.37

Софья Вадимовна Андросенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры истории русской философии; Свято-Филаретовский институт, пресс-секретарь, Россия, Москва, e-mail: sofia@sfi.ru

Образ Церкви настоящего и будущего в трудах Николая Бердяева. Статья первая: «Бердяев всегда мыслит соборно»

Аннотация. Предлагается анализ репрезентации образа Церкви настоящего и будущего в трудах Н.А. Бердяева 1911–1948 гг. Рассматривается язык и метод Бердяева, его философская «оптика», имеющая фундаментальное значение для понимания его образа Церкви. Церковная проблематика в трудах философа прослеживается не только как постоянная тема его размышлений, но и, что более важно, в самом строе его мысли, в его «соборном» ракурсе, на который обращали внимание ряд исследователей, и в его гносеологических принципах, связанных с пониманием специфики новозаветного откровения о человеке. Объясняется гносеологический смысл представления Бердяева о Церкви как о духовной реальности, раскрывающейся в человеке, а не извне предстоящей ему, познаваемой лишь через общение. Показано значение фундаментальной идеи Бердяева о связи ступеней познания со ступенями общности, которая явно или имплицитно присутствует практически во всех работах начиная с «Философии свободы» (1911 г.) вплоть до «Истины и откровения» (1947 г.) и делается особенно ясной в контексте его экклесиологических размышлений. Критически анализируется тезис о «социологичности» мышления Бердяева, высказанный рядом исследователей, и объясняется связь этой характеристики с церковным характером его философии. Рассматриваются идеи «соборной гносеологии», «гносеологического обвинения», «интегрального» и «дифференциального» понимания Церкви и подход философа к вопросу о границах Церкви.

Ключевые слова: экклесиология, апофатическая социология, Богочеловечество, грехопадение, соборная гносеология, соборность, церковный гнозис, позитивизм, антипозитивизм

Sofia Vadimovna Androsenko

Lomonosov Moscow State University, PhD student; St. Philaret's Institute, press-secretary, Russia, Moscow, e-mail: sofia@sfi.ru

The Image of the Church – Present and Future – in the Works of Nicholas Berdyaev. Article one: “Berdyaev is always thinking in a sobornal way”

Abstract. This article focuses on the analysis of the image of the Church, both present and future, in the works of N.A. Berdyaev between 1911 and 1948. Berdyaev's language and philosophical method, which is of fundamental importance for understanding of his image of the Church, are analysed. It is demonstrated, that the ecclesial problematics is present and revealed in the philosopher's works not only

as a constant theme of his reflections, but even more so in the very design of his thought, in his “sobornal” perspective, which have been noted by a number of scholars, as well as in his gnoseological orientation, which comes out of his particular understanding of New Testament revelation about the human person. The epistemological meaning of Berdyaev’s idea of the Church as a spiritual reality that is rather revealed within the human spirit and can only be perceived through communion, than stand before him as an external object, is explained. The article shows the significance of Berdyaev’s fundamental idea of the connection between the levels of perception and the levels of communion (i.e. of the overcoming of discord between people), which is explicitly or implicitly present in almost all of his works, beginning with *The Philosophy of Freedom* (1911) and ending with *Truth and Revelation* (1947), and becomes especially clear in the context of his ecclesiological reflections. The article also critically analyzes in what sense one can speak of the “sociological” nature of Berdyaev’s thinking, which some scholars have pointed out, and demonstrates how this feature of his philosophy is connected with its ecclesiastical character. The ideas of “sobornal gnoseology”, “epistemic accusation”, as well as concept of “an integral understanding of Church” over against “understanding via differentiation”, and Berdyaev’s approach to conceiving of the boundaries of the Church, are elucidated.

Key words: ecclesiology, apophatic sociology, Divine humanity, ecclesial gnosis, sobornal gnoseology, sobornost, positivism, antipositivism

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.081-097

Церковь¹ – одна из ключевых тем в философии Николая Бердяева. Она не так очевидна, как его тема о человеке, но без учета образа Церкви, явно или имплицитно присутствующего во всей философии Бердяева по крайней мере с 1907 г.², невозможно понять и его мысль о человеке. Достаточно вспомнить утверждения философа, что «свое окончательное осуществление и полноту своего содержания» личность находит в соборности³, что совершенное раскрытие творческой и коммюнитарной природы личности предполагает «братское общение во Христе»⁴ и что духовный опыт «потенциально церковен»⁵. Как обращали внимание исследователи, для Бердяева проблема человека может быть целостно поставлена только в свете идеи Богочеловечества⁶.

¹ Осознавая проблематичность подобных разграничений, мы придерживаемся написания слова «Церковь» с прописной буквы, когда речь идет о предмете веры или философской концепции, а со строчной – когда имеются в виду исторические институты. В цитатах сохранено авторское написание. Пунктуация в цитатах, иногда устаревшая, тоже сохранена.

² См.: Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907 [1].

³ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства // Н.А. Бердяев. Философия свободного духа. Я и мир объектов. Судьба человека в современном мире. Дух и реальность. М.: Республика, 1994. С. 135 [2].

⁴ См.: Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. С. 237 [3].

⁵ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 209.

⁶ См., например: Stark K. The idea of God-Man in Nicolas Berdyaev’s existentialism // *Analecta Husserliana: The yearbook of phenomenological research*. Vol. 103: Phenomenology and existentialism in the twentieth century. Book 1: New waves of philosophical inspirations / ed. A.-T. Tymieniecka.

Впрочем, верно и обратное: без антропологии Бердяева ничего нельзя понять в его взгляде на Церковь. В XX в., который дал целый ряд импульсов развитию христианской философской и богословской мысли о Церкви, стал общим местом тезис о том, что Церковь – организм богочеловеческий. Но, замечает Бердяев, «последовательные и радикальные выводы, которые отсюда вытекают, для многих исчезают и покажутся проблематическими»⁷. Обычно, говоря о богочеловеческой природе Церкви, предполагают, что божественное начало в ней – святое и непогрешимое, а тварное человеческое – грешное и немощное, как будто только для того и нужное, чтобы объяснять язвы церкви исторической, не бросая тень на Бога. Бердяев, не отрицая падшести человека, настаивает, что ущербными и бессильными церковную жизнь, веру и учение делает, напротив, недоверие к человеческому началу, порождающее «монофизитский взгляд» на Церковь, который «более всего мешает раскрытию общения людей в любви как положительного содержания христианской, церковной жизни»⁸.

Итак, чтобы наиболее целостно понять Бердяева, нужно удерживать одновременно две эти перспективы: антропологическую (тему о личности, ее богочеловеческом достоинстве и свободе) и экклесиологическую (тему об общении, братстве, любви). При большом количестве работ по антропологии Бердяева и некотором – по экклесиологии, эти два аспекта его мысли недостаточно рассматривались во взаимосвязи⁹. Восполняя лауну, попробуем показать, что эта взаимосвязь выражается не только в том, что пишет Бердяев о Церкви и о человеке, но и в том, как он это делает.

«Апофатическая социология» Бердяева

Откровение о Церкви присутствует в трудах Н.А. Бердяева не как какой-то раздел, хотя в фундаментальных работах есть главы о Церкви, но прежде

Hannover, NH: Springer, 2009. P. 217–229 [4]; Тимофеев А.И. Николай Бердяев: человечность и война // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 85–93 [5]; Димитрова Н. Философско-богословски аспекти на антропологичния поврат: Руският случай // Философията: от модернизъм към постмодернизъм. 2017. Т. 25. Вып. 2. С. 37–51 [6]. О специфике осмысления темы Богочеловечества у Н.А. Бердяева и Вл.С. Соловьёва см.: Крохина Н.П. Н.А. Бердяев о новой духовности: софийная (богочеловеческая) тема в работах 30–40-х гг. // Соловьёвские исследования. 2006. Вып. 1(12). С. 205–211 [7]; Шитиков П.М. Преломление идей Вл. Соловьёва в философии Н.А. Бердяева // Соловьёвские исследования. 2009. Вып. 3(23). С. 128–134 [8].

⁷ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 216.

⁸ Там же. С. 215.

⁹ Из недавних работ, в которых это делалось, хотя и не с целью реконструкции бердяевского понимания Церкви, отметим: Tsonchev T. Person and communion: The political theology of Nikolai Berdyaev. Ph.D. Dissertation (Philosophy). McGill University, 2020 [9]; Knežević R.A. Homo Theurgos: Freedom According to John Zizioulas and Nikolai Berdyaev. Paris: Cerf, 2020 [10].

всего как определенный ракурс, или опыт, изнутри которого он пишет. Одним из первых исследователей, обративших на это внимание, был о. Бернхард Шульце, SJ. В работе «Взгляд Бердяева на Церковь» (1938 г.) он заметил, что мысль Бердяева «насквозь церковна, о чем бы тот ни говорил»¹⁰, и что «Бердяев *всегда* мыслит соборно – и излагая свои идеи по метафизике или эстетике, и когда обращается к нам как социолог и философ истории»¹¹.

Этот соборный ракурс на секулярном языке с оговорками можно было бы назвать социологическим – в том смысле, что взгляд Бердяева сосредоточен на человеческих общностях и качестве, или «глубине»¹², отношений между людьми. Как пишет В.В. Сапов, нас меньше всего должно смущать скептическое отношение самого Бердяева к социологии, характерное и для других крупнейших русских философов начала XX в. и связанное с их антипозитивистским настроением. Более того, по мнению исследователя, этот антипозитивизм парадоксально «был иногда следствием и признаком социологичности их мышления»¹³.

По точному замечанию Г. Николауса, русские религиозные философы во главе с Вл.С. Соловьёвым и вслед за славянофилами А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским «искали “третьего пути” между консервативным Православием и простым заимствованием западного рационализма»¹⁴. Своей «социологичностью» Бердяев действительно хочет выправить некий крен, характерный для старого языка богословия, когда, стремясь точно и «объективно» выразить определенное вероучительное содержание, вместе с ним догматизируют и определенный философский язык и таким образом грешат своего рода богословским позитивизмом¹⁵, превращая Церковь из живого богочеловеческого единства в абстрактную статичную идею, которой никакая реальность не соответствует. От этого позитивизма, неблагоприятного прежде всего для выражения опыта свободы и общения, Бердяев хочет избавить наш взгляд на Бога, человека и Церковь. Он называет этот процесс в философии «вхождением христианства внутрь человеческой мысли и познания» и говорит, что оно «означа-

¹⁰ Schultze B. Die Schau der Kirche bei Nikolai Berdiaejew. Roma: Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, 1938. P. 6 [11]. Здесь и далее перевод наш [С.А.].

¹¹ Там же. P. 134.

¹² См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939. С. 27 [12].

¹³ См.: Сапов В.В. Н.А. Бердяев: антисоциология как критика социологического разума // История теоретической социологии. Т. 2. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 2002. С. 247 [13].

¹⁴ См.: Николаус Г. К.Г. Юнг и Н. Бердяев: Индивидуация и Личность. Критическое сравнение. М.: ИД «Городец», 2017. С. 40 [14].

¹⁵ См., например: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 187.

ет освобождение от внешнего авторитета церкви, от ограничений теологии»¹⁶. Метода и понятийного аппарата старой метафизики, усвоенных церковью со святоотеческих времен, оказывается недостаточно для выражения продолжающегося в истории божественного откровения и освоения нового христианского опыта. Создавая свой новый язык, русские философы в каком-то смысле довершают дело, начатое философией немецкого идеализма. Бердяев замечает, что, какими бы несовершенными христианами ни были Кант, Фихте, Шеллинг или Гегель, их философия «возможна лишь в мире христианском», в отличие от языческой по своим истокам философии Фомы Аквинского, хотя бы сам он и был «более христианин»¹⁷. «Философия делается более свободной именно потому, что разрывается связь христианства с определенными формами философии», – пишет он в одной из главных своих работ по гносеологии [15, с. 7], фактически посвященной переосмыслению и переопределению философского познания, а лучше сказать – духовного познания, гнозиса¹⁸.

Вместе с тем, стремясь уйти от метафизического позитивизма, Бердяев хочет спасти философию и от тирании науки. Решаясь говорить о Церкви в известной степени социологично, утверждая, что «Церковь имеет духовно-социальную природу», он тут же оговаривается, что она «социальна не во внешнем, а во внутреннем смысле этого слова»¹⁹. Да, познание духовных реальностей связано с качеством и глубиной общения и зависит от «ступеней общности между людьми»²⁰, но зависимость эта не улавливается инструментарием социологии и психологии, которые видят в человеке лишь часть природного и социального мира, а требует познания человека как личности, которая есть целое и «не может быть частью в отношении к какому-либо целому, хотя бы к огромному целому, всему миру»²¹. Зависит познание Церкви и от веры,

¹⁶ См.: Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. Париж: YMCA-Press, 1934. С. 7 [15].

¹⁷ Там же. С. 12.

¹⁸ Интересную попытку разобраться, в каком смысле философию Бердяева можно назвать гностической, предпринял Фабиан Линде, проанализировав ее в контексте концепции гностицизма Х. Йонаса. Впрочем, выводы, к которым он приходит, в целом соответствуют тому, как свой гностицизм осмысляет сам Бердяев: познание должно быть «оплодотворено цельным духовным опытом» (см.: Linde F. The spirit of revolt. Nikolai Berdiaev's existential gnosticism. Stockholm: Stockholm University, 2010 [16]). И.И. Евлампиев (впрочем, тоже вслед за самим Бердяевым) гностицизм Бердяева возводит к линии Вл.С. Соловьева, называя Николая Александровича наиболее радикальным продолжателем гностической парадигмы в русской философии. Вместе с тем большее значение в гностицизме Бердяева он придает философским генам Ф.М. Достоевского, имея в виду связь гносеологических установок Бердяева с его антропоцентризмом (см.: Евлампиев И.И. Гностические мотивы в русской философии // Соловьёвские исследования. 2006. Вып. 2 (13). С. 5–16 [17]).

¹⁹ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 209.

²⁰ См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической метафизики. С. 97–98.

²¹ См.: Там же. С. 20.

т.е. от степени преодоления отчуждения в отношении предмета познания: «...Церковь существует для всех, как внешняя эмпирическая реальность, к ней определяют свое отношение, с ней борются, как с реальностью, враги Церкви, в Церковь не верящие. Но совсем в другом смысле признают они Церковь реальностью, чем те, которые в Церковь верят и в ней живут» [2, с. 209].

Итак, Бердяев полагает, что законы и инструменты социологии, годные для объяснения и прогнозирования усредненных закономерностей общения и общежития в «природном мире розни и принуждения»²², не подходят для постижения тайны человека и Церкви, взятых в их глубине. С точки зрения законов мира сего личность, которой и через которую только и раскрывается Церковь²³, есть исключение и аномалия. В ней есть «много родового, ... много исторического, традиционного, социального, классового, семейного, много наследственного и подражательного, много “общего”. Но это именно и есть не “личное” в личности», утверждает Бердяев [12, с. 22]. Вся эта «тяжесть, наложенная на человека природой и обществом, историей и требованиями цивилизации» – лишь «материал», требующий «творческого претворения в личное»²⁴.

Называя социоморфизмы в отношении Бога «унизительными» и «кошунственными»²⁵, Бердяев предписывает и теологию, и социологию удерживать в «апофатическом» статусе: «Теологию нужно освободить от социологии, отражающей падшесть мира и человека. Апофатическая теология должна идти рука об руку с апофатической же социологией. <...> Это человек, сам человек до ужаса бесчеловечен, искажает свой образ, Бог же человечен и требует человечности» [12, с. 73]. Эта модальность «Бог требует», характерная для Бердяева, тоже попытка освободить богопознание от слишком пассивного, «объективного» взгляда и сделать его более похожим на общение, диалог, в котором Бог и человек могут открываться друг другу. Бердяев позволяет себе быть требовательным к Богу (не всякому Богу можно довериться и не всякого Бога можно полюбить!), потому что знает, что и Бог требователен к человеку, думает о нас высоко, а не низко и ждет от нас высоты, а не низости.

Таким образом, Бердяев пытается освободить наше познание Церкви и от скептического позитивизма общественных наук, желающего опираться на наблюдения и прогнозы, и от своеобразного догматического «позитивизма» в теологии, боящегося признать Церковь рискованным богочеловеческим предприятием. В лице Бердяева русская религиозная философия создает альтерна-

²² См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 214.

²³ См., например: Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 237.

²⁴ См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической метафизики. С. 22.

²⁵ Там же. С. 73.

тиву и старому языку догматики, и языку секулярной науки²⁶, перенося фокус на первореальность – на отношения человека с Богом, миром и другим человеком.

Зафиксируем два важных эпистемологических, а сам он, наверное, сказал бы «гносеологических», утверждения Бердяева: (1) познание зависит от степени единения (общения) между людьми и (2) опыт первичнее рационального познания, т.е. «объективное» познание, познание «извне», невозможно, а возможно только познание как приобщение. Это утверждается Бердяевым по крайней мере для познания таких реальностей, как Церковь: «Церковь извне нельзя вполне увидеть и понять, нельзя вполне рационально определить, сделать проницаемой для понятия. Нужно жить в Церкви. Она постижима лишь в опыте» [2, с. 208].

Заметим в скобках, что эта интуиция, высказанная мыслителем, довольно критически настроенным по отношению к святоотеческому наследию (точнее, к догматизации определенных аспектов этого наследия), находится в поразительном согласии с фундаментальным святоотеческим принципом катехизации – введения людей в Церковь, предполагающим, что возвещать истины веры можно только тому, кто имеет доверие к Богу, т.е. решимость менять свою жизнь в согласии с тем, что ему открывается. Так, в древней церкви до основного этапа катехизации, непосредственно предшествовавшего крещению, допускались только те, кто демонстрировал доверие и веру, что выражалось в оставлении человеком смертных грехов и в оказании им реальной помощи другим людям²⁷. С этим же связан и святоотеческий принцип *disciplina arcani*, строго запрещавший профанацию, т.е. допуск к участию в таинствах и к вероучительным тайнам людей неподготовленных и непосвященных²⁸.

В этом бердяевское понимание познания Церкви как приобщения к ней, неожиданно созвучное святоотеческому пониманию воцерковления как пути, связанного не столько с освоением обрядов и новых знаний в области догматики, сколько с целостной переменой жизни и совершенным обновлением, новым

²⁶ О русской религиозной философии как нетривиальной альтернативе секуляризму (религиозной тотальности) в противоположность тотальности рациональной см.: Гутнер Г.Б. Секулярность, постсекулярность и русская религиозная философия // Альманах СФИ «Свет Христов просвещает всех». 2015. Вып. 16. С. 63–82 [18].

²⁷ См., например: Мозгов К.А. Оглашение просвещаемых в святоотеческой традиции // Традиция святоотеческой катехизации: Основной этап: материалы Междунар. богословско-практич. конф. (Москва – Московская область, 28–30 мая 2013 г.). М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. С. 15–29 [19].

²⁸ См., например: Гаврилюк П.Л. История катехизации в древней церкви / под ред. свящ. Георгия Кочеткова. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2001. С. 80, 87, 176, 216, 241–242 [20].

рождением человека, открывает нам как будто подзабытый самими христианами образ Церкви. Это не овчарня, куда пастух с собаками загоняет бессловесных овец, а простор, пастбище, о котором Господь сказал: «Я – дверь: чрез Меня если кто войдет, спасен будет, *и войдет и выйдет* и пастбище найдет, вор приходит только для того, чтобы украсть и убить и погубить. Я пришел, чтобы жизнь имели и в избытке имели» (Ин 10:9–10). Тема избытка жизни, характерная для Иоанновых текстов²⁹, тоже очень близка бердяевскому образу Церкви и человека в Церкви. Мы увидим, что дар свободы, с раскрытием которого он связывает приобщение к Церкви, обнаруживает себя как животворящая творческая сила в человеке, открывающая ему его призвание, способность «всегда и во всем... быть подателем жизни, излучать творческую энергию жизни»³⁰.

От антисоциологии к «соборной гносеологии»

Завершая разговор о гносеологических установках Бердяева, напомним, что познание он понимает не как предприятие одного лишь разума, но как духовный творческий акт. Познание это не просто исследование мира, но его просветление и продолжение миротворения. Познание не есть регистрация объективных фактов и реальностей (ценностей, норм, законов), но есть способ творческого воздействия на реальность, привнесения в нее абсолютной новизны: «в познании с самим бытием что-то происходит, приходит его просветление»³¹. Этот принцип он назвал «гносеологическим обвинением»³², иронически противопоставив его посткантианским «гносеологическим оправданиям» – перенесению внимания с самого познания на вопрос о методе, который превращает философию в интеллектуальную игру и, по мнению Бердяева, приводит к потере ее связи с реальностью, отрывает от поиска смысла жизни: «Человек потерял силу познавать бытие, потерял доступ к бытию и с горя начал познавать познание»³³. Бердяев не просто утверждает, что познание имеет «доступ к бытию», поставленный под сомнение посткантианцами, – он говорит, что через познание *меняется* не только предмет познания, но и познающий: «В основании философии лежит предположение, что мир есть часть человека, а не человек часть мира. У человека, как дробной и малой части мира, не могла бы заро-

²⁹ Ср.: «Кто верует в Меня, как говорит Писание, из чрева его потекут реки воды живой» (Ин 7:38).

³⁰ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. С. 273 [21].

³¹ Там же. С. 4.

³² Там же. С. 3

³³ Там же.

даться дерзновенная задача познания. На этом основано и научное познание, но оно методологически отвлечено от этой истины» [21, с. 10].

Органом философского познания в философии Бердяева выступает целостный дух человека, совокупность его духовных сил, из которых он особенно подчеркивает значение совести³⁴ – динамического творческого начала, стремящегося уйти не только от эгоцентрической закрытости, но и с поверхности общественного мнения и общественной морали к чистоте и первородству жизни, к подлинной любви, общению, к той глубине, на которой человек соприкасается с Богом: «Только чистая, оригинальная, свободная совесть стоит перед лицом Бога, и суждения ее подлинны»³⁵.

Принципиальное замечание, которое делает Бердяев, – совесть не бывает вне общения, «через свободу своей совести личность связана с соборным духом»³⁶. В «Философии свободы» (1911 г.) Бердяев исповедует как своего рода метод «соборную, церковную гносеологию»³⁷. Позднее в «Русской идее» (1946 г.) этим выражением он охарактеризует направление, к которому отнесет И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, Вл.С. Соловьева, Фр. Баадера, позднего Ф. Шеллинга³⁸. Плодом и критерием подлинности познания для них выступает новое качество общения, на которое делается способной личность, т.е. в познании происходит не только умножение свободы, но и углубление единства: «общение в любви, соборность есть критерий познания» и субъект познания не индивидуальное «я», а «мы» – «общение в любви»³⁹.

При этом соборность «не означает никакого внешнего авторитета для личной совести»⁴⁰, личная совесть остается первичной и выступает источником соборного познания: «То, что можно было бы назвать соборной церковной совестью... совсем не означает, что человеческая совесть, прежде чем предстоять в чистоте перед Богом, сочетается с совестью других людей и мира, но означает духовно-имманентное несение в своей совести общей судьбы со своими братьями по духу» [21, с. 181].

Эта тема, поставленная в работах «Философия свободы» и «О назначении человека», будет развита Бердяевым и в других работах – «Я и мир объек-

³⁴ См., например: Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. С. 13–21.

³⁵ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 175.

³⁶ Там же. С. 144.

³⁷ См.: Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Путь, 1911. С. 71, 95 [22].

³⁸ См.: Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 201 [23].

³⁹ Там же.

⁴⁰ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 181.

тов» (1934 г.) и «Истина и откровение» (1947 г.)⁴¹. Для нас же сейчас важно зафиксировать, что апофатизм Бердяева имеет свои пределы и не означает скептицизма и агностицизма, а нужен только для очищения философского познания, и особенно познания Церкви, от крайностей религиозного и научного позитивизма.

К интегральному пониманию Церкви. Границы Церкви

Трудность положения, в которое ставит себя Бердяев, в том, что, чтобы изложить свой взгляд на Церковь, ему нужно ввести вас внутрь ее границ, т.е. он просто вынужден проповедовать. Ему нужно помочь вам сделать духовный выбор, довериться Богу прежде, чем вы рационально что-то поймете, и он обращается в первую очередь к вашим совести и духу. Г. Николаус замечает, что философия Бердяева стремится воздействовать на жизнь, «преобразовывать ее с самых ее оснований», а не просто что-то описывать⁴². И сам Бердяев назовет публицистику (явно намекая на себя) «секуляризированным (т.е. институционально не принадлежащим церкви. – С.А.) пророчеством»⁴³. Показательна в этом плане увидевшая свет в 1928 г. публицистическая работа «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан»⁴⁴, написанная по мотивам проповеди, которую философ спонтанно произнес перед толпой в несколько тысяч человек на собрании Клуба анархистов в Москве в 1918 или 1919 г.⁴⁵ Он как бы говорит: начните действовать и жить по-другому и жизнь Церкви откроется вам в новом свете.

Николай Бердяев предлагает увидеть в Церкви не «одну из реальностей, существующих наряду с другими»⁴⁶, не часть мира, а определенный опыт, глубину и качество жизни, отношений с Богом, другим человеком, миром и самим собой. Церковь, пишет Бердяев, не «априорное начало, предстоящее челове-

⁴¹ См.: Бердяев Н.А. Истина и откровение: Прологомены к критике Откровения // Бердяев Н.А. Истина и откровение. На пороге новой эпохи. СПб.: РХГИ, 1996. С. 5–155 [24].

⁴² См.: Николаус Г. К.Г. Юнг и Н. Бердяев: Индивидуация и Личность. Критическое сравнение. С. 32–33.

⁴³ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа. С. 226. См. также о специфике понимания Н.А. Бердяевым философского познания (чему во многом посвящена его работа «Я и мир объектов»): Суходуб Т.Д. «Иному сознанию предстанет и иной мир»: о философском призвании Николая Бердяева // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 1 (41). С. 72–91 [25].

⁴⁴ См.: Бердяев Н.А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан // Дмитриева Н.К. Николай Бердяев: Жизнь и творчество. Философ свободного духа. М.: Высш. шк., 1993. С. 149–165 [26].

⁴⁵ См.: Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 294–295 [27].

⁴⁶ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 210.

ству и миру», не «данная с принудительностью... внешняя реальность»⁴⁷, она не извне предстает человеку, а раскрывается в нем и через него – в Боге и мире – как духовное событие⁴⁸. Она есть «изживание судьбы мира и человечества»⁴⁹.

С этим связано «интегральное понимание Церкви», которое Бердяев противопоставляет пониманию «дифференциальному», склонному видеть в Церкви ту или иную часть объективного мира – религиозный институт, учреждение, иерархию, «сакральную» сторону христианства и т.п.⁵⁰, которые, хотя и «приходят в бытие Церкви», но не есть еще Церковь на последней ее глубине⁵¹. «Интегральное понимание Церкви» Бердяев дает в свойственном ему стиле – через синонимические ряды: «положительная полнота бытия»⁵², «полнота жизни мира и человечества, но в состоянии охристовления, облагодатствования», «охристовленный космос», «Бого-мир», «Бого-человечество», «иной порядок бытия», «порядок любви и свободы», «мистическое тело Христово», «Христов род», «новый род человеческий». Об этой Церкви, полная актуализация которой должна была бы означать «преображение космоса, явление нового мира, достижение Царства Божьего»⁵³, он написал: «В Церкви растет трава и цветут цветы» [2, с. 211].

С этих позиций Бердяев раскрывает и вынесенную в заголовок его ключевого экклесиологического текста тему «Церковь и мир», находя новый подход к вопросу о границах Церкви, до предела проблематизированному в религиозной мысли XX в.⁵⁴ Церковь и мир – не два социальных, канонических, умопостигаемых или иных подмножества, но «глубина» и «поверхность» жизни, разные способы человеческого общежития и единства. Может быть, наиболее характерная антитеза в этом ряду – это «благодатный порядок любви и сво-

⁴⁷ См.: Бердяев Н.А. *Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства*. С. 208.

⁴⁸ Неслучайно видят в его подходе нечто общее с процесс-теологией. См.: Hartshorne C. *Whitehead and Berdyaev: Is there tragedy in God?* // *The Journal of Religion*. 1957. V. XXXVII, № 2. P. 71–84 [28]; Боровой В., протопр. Булгаков и Бердяев: богословие и философия // *Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института*. 2015. Вып. 16. С. 9–35 [29]; Dombrowski D.A. *A history of the concept of God: A process approach*. Albany, NY: State University of New York Press, 2016 [30].

⁴⁹ См.: Бердяев Н.А. *Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства*. С. 216.

⁵⁰ Там же. С. 156, 211, 213, 216, 217, 228; Бердяев Н.А. *Спасение и творчество (Два понимания христианства)* // *Путь*. 1926. № 2. С. 29, 30, 44 [31].

⁵¹ См.: Бердяев Н.А. *Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства*. С. 209.

⁵² См.: Бердяев Н.А. *Спасение и творчество (Два понимания христианства)*. С. 30.

⁵³ См.: Бердяев Н.А. *Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства*. С. 210.

⁵⁴ См., например: Булгаков С., прот. *Невеста Агнца*. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2005. С. 272, 287 [32]; Булгаков С., прот. *Очерки учения о Церкви* // *Путь*. 1925. № 1. С. 53–78 [33]; Флоровский Г., прот. *О границах Церкви* // Г. Флоровский. *Избранные богословские статьи*. М.: Изд-во «Пробел», 2000. С. 160–161 [34]; Афанасьев Н., протопр. *Una Sancta* // *Православная община*. 1996. № 4 (34). С. 87 [35].

боды» – «мир природный, мир розни и принуждения»⁵⁵, т.е. благодатность Церкви прежде всего противостоит разделенности и несвободе мира сего как мира падшего.

Пытаясь обнаружить сокровенные мистические границы Церкви, Бердяев не нивелирует дифференциальные границы исторической Церкви и церквей, а видит в их трагическом несовпадении творческий вызов, который сами христиане должны обратить к своей совести. Бердяев парадоксально утверждает: в Церкви творили гении человечества – Шекспир, Гете, Пушкин, Беме, Достоевский, в Церкви «пережил трагедию распятого Диониса» Ницше⁵⁶. «Движение от человека к Богу, раскрытие человеческой свободы и человеческого творчества в Церкви принимает формы, которые, видимо, не введены в ограду Церкви», – поясняет он [2, с. 216].

Для Бердяева вопрос о границах Церкви стоит, прежде всего, не как вопрос ограждения святости и святости от грешного и развращенного человеческого рода, понятный изнутри опыта Ветхого завета, Закона, но как творческая задача выявления этой святости (а, можно сказать, еще и гениальности), ее опознания, очищения и возвышения. И искать эти гениальность и святость Бердяев готов в самых неожиданных местах. Николай Александрович любил вести беседы с сектантами и богоискателями всех мастей в московском трактире «Яма» и в принадлежавшей матери его жены Лидии деревне Бабаки в Харьковской губернии. В изгнании он с любовью вспоминал ту странническую Россию – толстовцев, добролюбовцев, «искателей Бога и жизни по Божьей правде и из интеллигенции, и из народа»⁵⁷. Бердяев уверен: Церковь не может просто оставить этих «странников» и «революционеров духа»⁵⁸ за своими границами. Ей самой внутренне присуще странничество, хотя так часто оно подменяется в жизни церкви исторической противоположным «духом буржуазности», «похоти жизни», «похоти могущества»⁵⁹. Но основатель Церкви был странником: «У лис есть норы, и у птиц небесных – гнезда, но Сыну Человеческому голову приклонить негде» (Мф 8:20).

И Бердяев спрашивает: «...не должна ли христианская Церковь не просто привлекать к себе старыми способами людей отпавших от нее и переживающих муку и тоску мира, а дать творческий ответ на эту муку и тоску, дать ответ на новые вопрошания и этим привлечь к себе?» [37, с. 71]. Ведь люди, даже сим-

⁵⁵ См.: Бердяев Н.А. *Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства*. С. 214.

⁵⁶ Там же. С. 217.

⁵⁷ См.: Бердяев Н.А. *Самопознание (Опыт философской автобиографии)*. С. 246–254.

⁵⁸ Там же. С. 251.

⁵⁹ См., например: Бердяев Н.А. *О духовной буржуазности: сб. сочинений / предисл. А.П. Козырева*. М.: Nouveaux Angles (Москва); Editions des Syrtes (Париж), 2022. С. 62–63 [36].

патизирующие Христу, не входят в Церковь и отталкиваются от нее, потому что не могут познать и полюбить Церкви интегральной, не узнавая ее за порой неказистыми дифференциальными проявлениями, за неспособностью христиан жить на высоте своего призвания, а то и сознательной их мимикрией под убогий закон мира сего.

Подводя итог, отметим, что, прежде всего, принципиального внимания в репрезентации образа Церкви в философии Николая Бердяева заслуживает его соборная оптика и его взгляд «изнутри» Церкви. Его критика искажений церковной жизни есть заступничество за Церковь, а не внешнее ее обвинение. Вместе с тем всех тех, кто себя ощущает внутри ее исторических границ, он предостерегает от позиции обвинителей в отношении тех, кто по той или иной причине от Церкви отвернулся. Фундаментально его представление о Церкви как о духовной реальности, раскрывающейся в человеке, а не извне предстоящей ему. Это означает, что Церковь можно познавать, только решившись разделить в этом мире ее судьбу, войти в дело, начатое самим ее Основателем.

Во второй части статьи⁶⁰ рассмотрим принципиальные черты образа Церкви у Бердяева, отражающие его представление о ее сокровенной природе, антропологические основания его мысли о Церкви, а также проследим, как интуиции Бердяева начали воплощаться в XX в. в контексте наступившей на его глазах постконстантиновской эпохи.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907. II+ 233 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства // Н.А. Бердяев. Философия свободного духа. Я и мир объектов. Судьба человека в современном мире. Дух и реальность. М.: Республика, 1994. С. 14–228.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
4. Stark K. The idea of God-Man in Nicolas Berdyaev's existentialism // *Analecta Husserliana: The yearbook of phenomenological research*. Vol. 103: Phenomenology and existentialism in the twentieth century. Book 1: New waves of philosophical inspirations / ed. A.-T. Tymieniecka. Hannover, NH: Springer, 2009. P. 217–229.
5. Тимофеев А.И. Николай Бердяев: человечность и война // *Соловьёвские исследования*. 2016. Вып. 1(49). С. 85–93.
6. Димитрова Н. Философско-богословски аспекти на антропологичния поврат: Руският случай // *Философията: от модернизъм към постмодернизъм*. 2017. Т. 25. Вып. 2. С. 37–51.
7. Крохина Н.П. Н.А. Бердяев о новой духовности: софийная (богочеловеческая) тема в работах 30–40-х гг. // *Соловьёвские исследования*. 2006. Вып. 1(12). С. 205–211.

⁶⁰ Публикацию второй части статьи см. в следующем номере «Соловьёвских исследований».

8. Шитиков П.М. Преломление идей Вл. Соловьёва в философии Н.А. Бердяева // Соловьёвские исследования. 2009. Вып. 3(23). С. 128–134.
9. Tsonchev T. Person and communion: The political theology of Nikolai Berdyaev. Ph.D. Dissertation (Philosophy). McGill University, 2020. 440 p.
10. Knežević R.A. Homo Theurgos: Freedom According to John Zizioulas and Nikolai Berdyaev. Paris: Cerf, 2020. 346 p.
11. Schultze B. Die Schau der Kirche bei Nikolai Berdiaejew. Roma: Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, 1938. 251 p.
12. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939. 224 с.
13. Сапов В.В. Н.А. Бердяев: антисоциология как критика социологического разума // История теоретической социологии. Т. 2. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 2002. С. 245–258.
14. Николаус Г. К.Г. Юнг и Н. Бердяев: Индивидуация и Личность. Критическое сравнение. М.: ИД «Городец», 2017. 288 с.
15. Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. Париж: YMCA-Press, 1934. 188 с.
16. Linde F. The spirit of revolt. Nikolai Berdiaev's existential gnosticism. Stockholm: Stockholm University, 2010. 231 p.
17. Евлампиев И.И. Гностические мотивы в русской философии // Соловьёвские исследования. 2006. Вып. 2(13). С. 5–16.
18. Гутнер Г.Б. Секулярность, постсекулярность и русская религиозная философия // Альманах СФИ «Свет Христов просвещает всех». 2015. Вып. 16. С. 63–82.
19. Мозгов К.А. Оглашение просвещаемых в святоотеческой традиции // Традиция святоотеческой катехизации: Основной этап: материалы Междунар. богословско-практич. конф. (Москва – Московская область, 28–30 мая 2013 г.). М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. С. 15–29.
20. Гаврилюк П.Л. История катехизации в древней церкви / под ред. свящ. Георгия Кочеткова. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2001. 320 с.
21. Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. 320 с.
22. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Путь, 1911. 280 с.
23. Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). СПб.: Азбука-классика, 2008. 300 с.
24. Бердяев Н.А. Истина и откровение: Прологомены к критике Откровения // Бердяев Н.А. Истина и откровение. На пороге новой эпохи. СПб.: РХГИ, 1996. С. 5–155.
25. Суходуб Т.Д. «Иному сознанию предстанет и иной мир»: о философском призвании Николая Бердяева // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 1(41). С. 72–91.
26. Бердяев Н.А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан // Дмитриева Н.К. Николай Бердяев: Жизнь и творчество. Философ свободного духа. М.: Высш. шк., 1993. С. 149–165.
27. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 451 с.
28. Hartshorne C. Whitehead and Berdyaev: Is there tragedy in God? // The Journal of Religion. 1957. Vol. XXXVII, No. 2. P. 71–84.
29. Боровой В., протопр. Булгаков и Бердяев: богословие и философия // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2015. Вып. 16. С. 9–35.
30. Dombrowski D.A. A history of the concept of God: A process approach. Albany, NY: State University of New York Press, 2016. VI+ 273 p.

31. Бердяев Н.А. Спасение и творчество (Два понимания христианства) // Путь. 1926. № 2. С. 26–46.
32. Булгаков С., прот. Невеста Агнца. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2005. 655 с.
33. Булгаков С., прот. Очерки учения о Церкви // Путь. 1925. № 1. С. 53–78.
34. Флоровский Г., прот. О границах Церкви // Флоровский Г. Избранные богословские статьи. М.: Изд-во «Пробел», 2000. 317 с.
35. Афанасьев Н., протопр. Una Sancta // Православная община. 1996. № 4(34). С. 62–112.
36. Бердяев Н.А. О духовной буржуазности: сб. соч. / предисл. А.П. Козырева. М.: Nouveaux Angles (Москва); Editions des Syrtes (Париж), 2022. 184 с.
37. Бердяев Н.А. Еще о христианском пессимизме и оптимизме (Ответ протоиерею С. Четверикову) // Путь. 1935. № 48. С. 69–72.

References

(Sources)

Collected Works

1. Berdyaev, N.A. *Sbornik sochineniy «O dukhovnoy burzhuaznosti»* [Collected Works “On Spiritual Bourgeoisness”]. Moscow: Nouveaux Angles (Moskva); Editions des Syrtes (Parizh), 2022. 184 p.

Individual Works

2. Afanas'ev, N., protopr. Una Sancta. *Pravoslavnyaya obshchina*, 1996, no. 4(34), pp. 62–112.
3. Berdyaev, N.A. Eshche o khristianskom pessimizme i optimizme (Otveto protoiereyu S. Chetverikovu) [More on Christian Pessimism and Optimism (Response to Archpriest S. Chetverikov)], in *Put'*, 1935, no. 48, pp. 69–72.
4. Berdyaev, N.A. Istina i otkrovenie: Prolegomeny k kritike Otkroveniia [Truth and Revelation: Prolegomena to the Critique of Revelation], in Berdyaev, N.A. *Istina i otkrovenie. Na poroge novoy epokhi* [Truth and Revelation. On the Threshold of a New Era]. Saint-Petersburg: RKHG1, 1996, pp. 5–155.
5. Berdyaev, N.A. *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New religious consciousness and society]. Saint-Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova, 1907, IL+ 233 p.
6. Berdyaev, N.A. O dostoinstve khristianstva i nedostoinstve khristian [On the Dignity of Christianity and the Unworthiness of Christians], in Dmitrieva, N.K. *Nikolay Berdyaev: Zhizn' i tvorchestvo. Filosof svobodnogo dukha* [Nikolai Berdyaev: Life and Work. Philosopher of the Free Spirit]. Moscow: Vysshaya shkola, 1993, pp. 149–165.
7. Berdyaev, N.A. *O naznachenii cheloveka: Opyt paradoksal'noy etiki* [The Destiny of Man: An Experience of Paradoxical Ethics]. Paris: Sovremennye zapiski, 1931. 320 p.
8. Berdyaev, N.A. *O rabstve i svobode cheloveka: Opyt personalisticheskoy metafiziki* [Slavery and Freedom: An Essay on Personalistic Metaphysics]. Paris: YMCA-Press, 1939. 224 p.
9. Berdyaev, N.A. *Russkaya ideya (Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka)* [The Russian idea: Fundamental problems of Russian thought in the 19th and early 20th centuries]. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. 300 p.
10. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii)* [Dream and Reality (An Experience of Philosophical Autobiography)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2016. 451 p.
11. Berdyaev, N.A. Spasenie i tvorchestvo (Dva ponimaniya khristianstva) [Salvation and Creativity: Two Understandings of Christianity], in *Put'*, 1926, no. 2, pp. 26–46.
12. Berdyaev, N.A. *Filosofiya neravenstva: Pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii* [Philosophy of Inequality: Letters to Enemies in Social Philosophy]. Berlin: Obelisk, 1923. 246 p.

13. Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha: Problematika i apologiya khristianstva* [Freedom and the spirit: Problems and Apology of Christianity], in Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha. Ya i mir ob"ektov. Sud'ba cheloveka v sovremennom mire. Dukh i real'nost'* [Freedom and the spirit. Solitude and society. The Fate of Man in the Modern World. Spirit and Reality]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 14–228.

14. Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobody* [The Philosophy of Freedom]. Moscow: Put', 1911. 280 p.

15. Berdyaev, N.A. *Ya i mir ob"ektov: Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya* [Solitude and Society: Philosophical Experience of Solitude and Society]. Paris: YMCA-Press, 1934. 188 p.

16. Bulgakov, S., prot. *Nevesta Agntsa* [The Bride of the Lamb]. Moscow: Obshchedostupnyy pravoslavnyy universitet, osnovanny protoiereem Aleksandrom Menem, 2005. 655 p.

17. Bulgakov, S., prot. *Ocherki ucheniya o Tserkvi* [Essays on the Doctrine of the Church], in *Put'*, 1925, no. 1, pp. 53–78.

18. Florovskiy, G., prot. *O granitsakh Tserkvi* [On the Boundaries of the Church], in Florovskiy, G. *Izbrannye bogoslovskie stat'i* [Selected Theological Articles]. Moscow: Izdatel'stvo «Probel», 2000. 317 p.

(Articles from Scientific Journals)

19. Borovoy, V., protopr. Bulgakov i Berdyaev: bogoslovie i filosofiya [Bulgakov and Berdyaev: Theology and Philosophy], in *Svet Khristov prosveshchaet vsekh: Al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta*, 2015, issue 16, pp. 9–35.

20. Dimitrova, N. *Filosofsko-bogoslovski aspekti na antropologichniya povrat: Ruskiyat sluchay* [Philosophical and Theological Aspects of the Anthropological Turn: the Russian Case], in *Filosofiyata: ot moderniz"m k"m postmoderniz"m*, 2017, vol. 25, issue 2, pp. 37–51.

21. Evlampiev, I.I. *Gnosticheskie motivy v russkoy filosofii* [Gnostic Motifs in Russian Philosophy], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2006, issue 2(13), pp. 5–16.

22. Gutner, G.B. *Sekulyarnost', postsekulyarnost' i russkaya religioznaya filosofiya* [Secularity, Post-Secularity, and Russian Religious Philosophy], in *Al'manakh SFI "Svet Khristov prosveshchaet vsekh"*, 2015, issue 16, pp. 63–82.

23. Hartshorne, C. *Whitehead and Berdyaev: Is there tragedy in God?* *The Journal of Religion*, 1957, vol. XXXVII, no. 2, pp. 71–84.

24. Krokhina, N.P. *N.A. Berdyaev o novoy dukhovnosti: sofiynaya (bogocheleveshcheskaya) tema v rabotakh 30–40-kh gg.* [Berdyaev on the New Spirituality: the Sophian (God-human) Theme in the Works of the 1930s–40s], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2006, issue 1(12), pp. 205–211.

25. Shitikov, P.M. *Prelomlenie idey Vl. Solov'eva v filosofii N.A. Berdyaeva* [Refraction of Vl. Soloviev's Ideas in N.A. Berdyaev's Philosophy], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2009, issue 3(23), pp. 128–134.

26. Sukhodub, T.D. *"Inomu soznaniyu predstanet i inoy mir": o filosofskom prizvanii Nikolaya Berdyaeva* ["Another World Will Appear to a Different Consciousness": On the Philosophical Vocation of Nikolai Berdyaev], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2014, issue 1(41), pp. 72–91.

27. Timofeev, A.I. *Nikolay Berdyaev: chelovechnost' i voyna* [Nikolai Berdyaev: Humanity and War], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2016, issue 1(49), pp. 85–93.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

28. Mozgov, K.A. *Oglashenie prosveshchaemykh v svyatootecheskoy traditsii* [The Catechism of the Enlightened in the Patristic Tradition], in *Traditsiya svyatootecheskoy katekhizatsii: Osnovnoy etap: Materialy Mezhdunarodnoy bogoslovsko-prakticheskoy konferentsii (Moskva – Moskovskaya oblast', 28–30 maya 2013 g.)* [The Tradition of Patristic Catechesis: The Main Stage: Proceedings of the International Theological and Practical Conference (Moscow – Moscow Region, May 28–30, 2013)]. Moscow: Svyato-Filaretovskiy pravoslavno-khristianskiy institut, 2014, pp. 15–29.

29. Sapov, V.V. N.A. Berdyaev: Antisotsiologiya kak kritika sotsiologicheskogo razuma [Anti-sociology as a critique of sociological reason], in *Istoriya teoreticheskoi sotsiologii. T. 2* [History of Theoretical Sociology. Vol. 2]. Moscow: Kanon+; OI «Reabilitatsiya», 2002, pp. 245–258.

30. Stark, K. The idea of God-Man in Nicolas Berdyaev's existentialism, in *Analecta Husserliana: The yearbook of phenomenological research. Vol. 103: Phenomenology and existentialism in the twentieth century. Book 1: New waves of philosophical inspirations*. Hannover, NH: Springer, 2009, pp. 217–229.

(Monographs)

31. Dombrowski, D.A. *A History of the Concept of God: A Process Approach*. Albany, NY: State University of New York Press, 2016. VI+ 273 p.

32. Gavriilyuk, P.L. *Istoriya katekhizatsii v drevney tserkvi* [History of Catechesis in the Ancient Church]. Moscow: Svyato-Filaretovskaya Moskovskaya Vysshaya Pravoslavno-Khristianskaya Shkola, 2001. 320 p.

33. Knežević, R.A. *Homo Theurgos: Freedom According to John Zizioulas and Nikolai Berdyaev*. Paris: Cerf, 2020. 346 p.

34. Linde, F. *The Spirit of Revolt. Nikolai Berdiaev's Existential Gnosticism*. Stockholm: Stockholm University, 2010. 231 p.

35. Nikolaus, G. *K.G. Jung i N. Berdyaev: Individuatsiya i Lichnost'. Kritischeskoe sravnenie* [C.G. Jung and N. Berdyaev. Individuation and Personality. A Critical Comparison]. Moscow: ID “Gorodets”, 2017. 288 p.

36. Schultze, B. *Die Schau der Kirche bei Nikolai Berdiaejew*. Roma: Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, 1938. 251 p.

37. Tsonchev, T. *Person and Communion: The Political Theology of Nikolai Berdyaev*. Ph.D. Dissertation (Philosophy). McGill University, 2020. 440 p.